

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

ВИРТУАЛЬНЫЕ ВСТРЕЧИ

Александра Мадунц

Любимый детектив

Александра Мадунц

Виртуальные встречи

«ВЕЧЕ»

2018

Мадунц А. И.

Виртуальные встречи / А. И. Мадунц — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-7544-3

У известного писателя с псевдонимом Арт Тур много недоброжелателей. Часть из них регулярно выпускает пар на сайте, созданном неизвестно кем специально с этой целью. Однажды на этом сайте появляется новичок с ником Осведомленный и заманивает виртуальных собеседников на дачу к Арт Туру. И разумеется, писателя находят там мертвым. Кто из ограниченного числа подозреваемых – убийца? Это приходится выяснять героине, поскольку подозрение падает и на нее. Что ж, она ведет расследование чисто по-женски и добивается успеха.

ISBN 978-5-4484-7544-3

© Мадунц А. И., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александра Мадунц

Виртуальные встречи

Не буду сегодня выходить в Интернет, – вслух, благо вокруг никого не было, повторила Таня. – Не буду. Незачем».

От этого решения стало легче. В конце концов, есть масса полезной деятельности, вообще не требующей включения компьютера. Пусть на дворе двадцать первый век, но рукописи в архиве хранятся реальные, не виртуальные, и бумажные каталоги никто пока не отменял. Таня встала, вышла в соседнюю комнату и осторожно провела рукой по ветхим корешкам. Она любила эти пожелтевшие листы, любила даже странный, многим неприятный запах – «запах сушеных мышей», как привычно шутили коллеги. Она не задумываясь побилась бы о заклад, что текст, читаемый с экрана монитора, теряет девяносто процентов привлекательности. Короче, она любила свою работу, несмотря на бросающиеся в глаза недостатки такой. «Архивны юноши толпою на Таню чопорно глядят»... Где они, эти юноши? Очевидно, умерли с голоду. Во всех помещениях немалого архива (кроме, разумеется, кабинетов начальства) заседают барышни – от двадцати до восьмидесяти. Женщины куда более живучи.

Впрочем, Таня знала, что пушкинские «архивные юноши» – отнюдь не то, чем представляются на первый взгляд. Эти молодые люди числились в Архиве министерства иностранных дел и «задавали тон московской молодежи на гульбищах, в театре и гостиных». Таня вообще знала многие вещи, о которых обычный человек не имеет ни малейшего понятия. Она обладала прекрасной памятью и любила учиться. Что не мешало – даже помогало – трудиться за мизерную зарплату по восемь часов в день.

– Танюша, – жалобно попросила Ольга Андреевна. – Не в службу, а в дружбу... Ну ненавижу я эту железяку. – Она с отвращением глянула на компьютер. – А ты у нас такая умница, во всем разбираешься. Поищи для меня кое-что, а? Вот, совсем несложно.

Ольга Андреевна положила перед Таней заранее заготовленный листок. Мысль об отказе не приходила старушке в голову. Таня единственная в отделе освоила Интернет и безропотно выполняла поручения сослуживиц, большинство из которых было старше на целое поколение.

«А на этот сайт заходить не буду, – твердо заявила сама себе Таня. – И «Живой журнал» этой девочки тоже смотреть не буду. Не понимаю, как люди могут выставлять личный дневник на всеобщее обозрение в Интернете? Наверное, они очень несчастны и одиноки. Но я после смерти Аньки тоже несчастна и одинока, однако не в силах поделиться даже со знакомыми, тем более с посторонними. Но все равно так и тянет любым способом остановить эту дурочку. Если я не сделаю этого, она погибнет, как моя Анька, я убеждена. Убила бы этого мерзавца! Не верю, что он неожиданно переменится к лучшему. Что бы придумать? Хотя если я не спасла родную сестру, где мне помочь чужому человеку, о котором не знаю даже имени. Только нелепый ник – Эстрелла. Так зовут одну из героинь Артема Турищева. У него слабость к вульгарным именам. Чего ждать от писателя, выбравшего псевдоним Арт Тур? Почему он так популярен, не понимаю. Неужели люди не видят, что их дурачат? Что за красивыми фразами ничего нет? Что книги, претендующие на глубокое знание истории и философии, изобилуют фактическими ошибками? Еще юным девочкам вроде моей Аньки или этой Эстреллы простительно попасться на ложную многозначительность... только почему я уверена, что Эстрелла и вправду юная? Виртуальное знакомство весьма коварно. Красивым женским именем может назваться столетний старичок. Но нет! Я вижу эту девочку, словно живую. Словно ожила моя Анька».

И Таня жадно впиалась глазами в строки сайта, адрес которого недавно твердо решила забыть навсегда.

* * *

Ира вовсе не собиралась долго сидеть в Интернете. Хотя бы на третью пару в институт пойти было необходимо. Намечалась контрольная, и, чтобы получить зачет, требовалось как минимум явиться. Ира поехала бы и на первую пару, да проспала. Почему-то не услышала будильника, а родители, как назло, уже смылись на работу и не разбудили. Такие они, пакостные взрослые. Когда не нужно, вечно торчат под носом, а лишь понадобятся, не дозовешься. Ко второй паре, пожалуй, можно было успеть, и Ира честно намеревалась, да на минутку взяла в руки мобильник. Ну на одну минуточку! Только посмотреть, нет ли сообщений и пропущенных звонков, и проверить электронную почту. А то вдруг пришло письмо от Него и мается, несчастное, на сервере, одинокое и позаброшенное. Однако оно не маялось, и радостное возбуждение моментально сменилось глухой тоской. Не потому, конечно, что он разлюбил. Он не из тех, кто, встретив наконец родственную душу, свою единственную половинку, коварно ее обманет. Просто он очень занят. Он ведь не обычный человек, а знаменитый писатель. Скоро у него выходит новая книга. Настоящая книга, не какой-то там детективчик, которые легко штамповать по штуке в месяц. Создание таких шедевров, как у него, требует вдохновения и глубокой сосредоточенности. Наверное, он витает в мире чудесных фантазий и совсем забыл о реальной жизни. В частности, об Ире.

Ира почувствовала, что на глаза навернулись слезы. Забыл, забыл, забыл! Какая тут учеба? Хотелось лечь и умереть. Или, по крайней мере, выплеснуть избыток чувств, пока сердце не разорвалось на мелкие кусочки. Кто придумал – «разбитое сердце»? Оно не разбивается, а именно разрывается. Горе действует не извне, а изнутри.

Ира вошла в свой «Живой журнал» и судорожно, не попадая пальцами по нужным клавишам и напрочь игнорируя пустяки вроде заглавных букв со знаками препинания, принялась писать. Вообще-то она не далее как вчера дала себе слово пользоваться Сетью как можно экономнее. Есть же счастливчики, у которых дома безлимитка! Сиди круглыми сутками в контакте с аськой да лови кайф. У Иры тоже так раньше было. Славные деньки...

Проблема в том, что ей жутко не повезло с родителями. Конечно, те не виноваты, что сорокалетние старики редко поспевают за современной жизнью... разве что гении вроде Него. Однако у однокурсников предки ничуть не младше, но других сумасшедших, готовых отключить собственную квартиру от Интернета, среди них нет. Это личная, особенная вредность Ириной матери. Сперва она без умолку трындела за спиной: «А когда ты будешь делать домашнее задание? А почему бы тебе не погулять с подружками? Сколько можно паяться в мониторингатор...» Естественно, Ира игнорировала глупое ворчание и продолжала жить нормальной человеческой жизнью, то есть не отлипая от компьютера.

Но потом родители окончательно спятили – вбили себе в голову, что уже в двенадцать Ире необходимо ложиться в постель, потому что утром рано вставать и ехать в институт. В цивилизованной стране их тут же арестовали бы за насилие над личностью! Восемнадцать лет – зрелый возраст, а они командуют, словно ребенком. Не нравится им, видите ли, что она ночами общается в чатах, а днем потом спит. Им кажется, все должны быть скучными трудовыми вояжами вроде них. Отец, правда, сам не прочь полазить по Сети, но мама его уломала – мол, потерпи ради блага дочери. И прервала договор с провайдером, даже модем куда-то спрятала. Ира сперва не поверила собственным глазам – она-то была убеждена, что ее лишь пугают. Это как добровольно отрубить себе правую руку – последний дурак, и тот подобного не сделает! А мама сделала. «Интернет-эксплорер не может отобразить данную страницу». И другую тоже не может... ни одну, хоть умри!

Хорошо, предки – существа отсталые и не просекли, что в Сеть можно без проблем выйти через сотовый. Конечно, для ввода длинных текстов – например, постов в «Живом журнале» –

клавиатура компьютера куда удобнее, но это не смертельно. Ире, поднаторевшей в эсэмэсках, было не так уж трудно приноровиться. Сперва, правда, бесила отвратительно низкая скорость, однако оказалось – ее нетрудно увеличить. В телефонных компаниях работают лучшие люди на свете! Мало того, что обеспечивают тебе связь с миром, так еще безвозмездно дают солидный кредит. А он требовался, поскольку деньги со счета стали теперь улетать просто моментально. Вроде и неоткуда взяться солидному трафику, а суммы накапливались умопомрачительные. Ира добросовестно пыталась экономить. В институте нередко обходилась без обеда и ездила туда по студенческому проездному на общественном транспорте, дома притворяясь, будто пользуется маршрутками. К тому же время от времени родители были готовы подкинуть лишних пару-тройку сотен якобы на кино или театр. И все равно средств не хватало, а мысль внимательно изучить тарифы и выбрать наиболее выгодный была Ире столь же чужда, как жителю пустыни Сахара идея приобрести зонтик – мол, мало ли что ждет впереди?

И вот позавчера сотовый заблокировали за неуплату.

Это была катастрофа. И без Интернета современный человек как без рук, но без мобильного ты просто превращаешься в слепоглухонемого! Жизнь погружается в беспросветный мрак, ты словно замурован в глухом подземелье, не имея возможности общаться с другими людьми. Разве кто-нибудь такое выдержит?

Пришлось сообщить о долге родителям (не упоминая, естественно, о тайных выходах в Сеть). В конце концов, деньги – это пустяки. Женщина, у которой великий роман с великим писателем, не обязана думать о житейской прозе, для нее главное – духовные интересы, объединяющие ее с возлюбленным.

Но предки никогда ничего не понимают, настоящие дауны. «Удивительная безответственность! – возмущалась мама. – Несколько тысяч долгу... тебя могли отдать под суд! Почему ты не сказала нам сразу? Как ты вообще умудрилась наговорить на подобную сумму? Боже, как мы тебя распустили! У вашего поколения психическая болезнь – болтать по мобильнику вместо того, чтобы жить реальной жизнью».

Знала бы она! Ведь то, что произошло четыре дня назад у Иры с Ним – самая что ни на есть реальная жизнь, реальнее не бывает. Они встретились наконец воочию и убедились, что страстно любят друг друга. Ира никогда не подозревала в себе такой бездны темперамента. Когда она завела роман с Пашкой из параллельного класса, удовольствия, честно говоря, не получила ни малейшего – скорее наоборот. Просто не хотелось отставать от других девчонок – те уже взрослые, а она что, хуже? Но теперь... теперь все по-настоящему. Не примитивное совокупление наспех, чтобы успеть до появления родителей, а изощренный разнообразный секс под руководством опытного любящего человека. Истинный союз души и тела. Первые сутки после случившегося Ира не ходила – парила над землей, каждые четверть часа выходя в почтовую программу и отправляя один и тот же короткий, зато предельно искренний e-mail: «Люблю, скучаю, схожу с ума». Даже омерзительное «новых сообщений ноль» не портило ей настроения. Он работает, а вот скоро включит компьютер и придет в восторг, обнаружив сразу два десятка восхитительных любовных писем.

Пришедшее наконец послание несколько обескуражило: «Прости, детка, я сейчас занят. Созвонимся. Арт». Что значит – созвонимся, если у Иры нет номера его телефона (почему-то когда она послала Арту свой, он забыл ответить тем же)? Был бы, так неужели она б не позвонила? Ненадолго, чтобы не отвлекать от творчества. Просто услышать знакомый голос и повесить трубку. Вероятно, он имел в виду не «созвонимся», а «встретимся в чате»? Только как? Нет, она жестоко ошиблась, в телефонных компаниях сидят вовсе не лучшие люди, совсем наоборот! Нарочно, что ли, эти уроды отключили связь именно тогда, когда она совершенно необходима? Если бы не срочность, Ира наверняка бы что-нибудь придумала и скрыла проблему от предков, но из-за надежды на весточку от Него вынуждена была идти к ним на поклон. В итоге мама положила на счет ровно необходимую сумму плюс какую-то мелочь, заставила

отключить возможность кредита и заявила, что будет теперь строго контролировать все расходы дочери и вообще ее жизнь. Какое она имеет право так обращаться с совершенно самостоятельным, взрослым человеком?

Как назло, от стипендии не осталось ни копейки, наоборот, Ира назанимала денег у однокурсников. А что ей оставалось? Не отправишься же на свидание к великому писателю в виде нелепой дурочки с щеками, пятнистыми от плохо ложащегося тональника, и опавшей тушью под глазами. Чтобы понравиться опытному мужчине, которому доступна любая, самая привлекательная и стильная женщина, нужна элитная косметика – французская, приобретенная в фирменном магазине. Вот Ира и порастратилась. И не зря – он увидел ее в превосходном макияже (Ира нанесла его в точном соответствии с советами визажиста из гламурного журнала) и полюбил, полюбил, полюбил с первого взгляда!

Но жестокие родители всеми способами пытаются разрушить ее счастье. Мало того, что Иру отрезали от Сети. Совершенно некстати наступили отвратительнейшие дни недели – суббота с воскресением. Предкам не надо на работу, и двое суток они безвылазно торчали дома, читая дочке глупые нотации и требуя, чтобы она провела выходные за уроками. Мало того – отобрали мобильник!

Ира металась по квартире, теряя последние остатки разума при мысли, что Арт прислал ей письмо, которое она не имеет возможности прочесть. Нет, иногда мать разрешала взять в руки сотовый – якобы послать эсмэску подружке. Но неохотно и крайне редко – раз в час, в крайнем случае в полчаса. А ведь электронную почту хотелось проверять гораздо чаще! Впрочем, долгожданного сообщения все равно, увы, не приходило – один омерзительный спам.

Хотя чему удивляться? Арт, любящий и чуткий, знает, что Ирины родители беспардонно вмешиваются в ее личную жизнь, и не хочет общаться под угрозой, что они встанут за спиной дочери и прочтут то, что предназначено исключительно ей. Вот в понедельник... в понедельник утром, наконец...

Теперь понедельник в разгаре, а от Арта ничего. Спеша и путаясь в клавишах, Ира описывала события в «Живом Журнале». Только бы деньги на телефоне не закончились слишком быстро! Потому что если она потеряет возможность связи с Ним, она, несомненно, умрет. Но пока Интернет работает, ограничивать себя в выходе в Сеть просто нет никаких сил...

«Свершилось – я снизошла наконец к его мольбам. “Если ты не станешь моей, о Эстрелла, я погибну”, – сквозь сжатые зубы произнес, почти простонал он. Я посмотрела на него тем жгучим, но отстраненным взглядом, которым всегда свожу с ума мужчин. Он бросился ко мне, словно лев, и... Но ни слова больше! Это лишь для нас двоих. Одно скажу – именно эти мгновения мы оба будем вспоминать на смертном одре.

Слезы показались на его глазах, когда я напомнила, что пришла пора расстаться. “О нет, не уходи!” – умолял он. Но я была непреклонна. Я всегда знала, что спокойная и счастливая семейная жизнь с любимым человеком – не мой удел. Я – женщина трагической судьбы. Так и оказалось. Конечно, стоило мне кивнуть, и он оставил бы ради меня все. Но я не сделала этого. Я ушла, не обернувшись.

Письма от него приходят каждый час. “Люблю, скучаю, схожу с ума”, – в отчаянье пишет он. От этих слов у меня разрывается сердце, но я умею скрывать свои чувства, поэтому окружающие видят на моем лице лишь равнодушную улыбку. Раз нам не суждено быть вместе, лучше порвать сразу. Или я не права? Имею ли я право становиться на пути его славы, его призвания, разрушить его прошлую жизнь, чтобы в ней осталась только я? Я и наша любовь. Он готов пожертвовать ради меня всем, но принимать ли мне его жертву? Не знаю... не знаю...»

Ира перечла написанное и в который раз удивилась тому, что на душе сразу стало легче. «Живой журнал» – замечательная вещь. Ты поверяешь ему самые заветные тайны так откровенно, как никогда не решилась бы, например, с подругой. И в то же время невозможно догадаться, кто ты. Ира скрылась за чудесным ником «Эстрелла» – именем героини одного из рома-

нов Арта. Никто ни на миг не усомнится, что Эстрелла – умная и опытная немолодая женщина лет двадцати пяти. Никто и никогда не вычислит истинного автора. Зато истинные события – они тут, перед вами. Главное – не соврать ни в единой мелочи. Ира готова обманывать кого угодно, только не «Живой журнал». Она описывает все, как было, выплескивая боль своего сердца, и это дает ей силы жить дальше. Жить и ждать.

Глава 1

Катя дорабатывала в издательстве «Арт» последний день. После трех лет почти безупречного труда ее с треском вышвыривали за дверь. Не то чтобы ее это по-настоящему огорчало. Скорей наоборот – она чувствовала приятное возбуждение. Катя и сама еще в пятницу собиралась уволиться. «Арт» ей определенно наскучил, а очередной заскок руководства – все сотрудники, оказывается, обязаны являться в офис ровно к десяти и расписываться в журнале – она восприняла как ничем не оправданное обострение садистских наклонностей, каковые, разумеется, присущи любому начальству (тут Катя не питала иллюзий), однако не должны выходить за приемлемые рамки. Катя была согласна задерживаться вечерами, готова корпеть над срочным заказом целую ночь, но вставать каждое утро полвосьмого ради того, чтобы расписаться в журнале, – это слишком. Ну зачем им художник в такую рань? В любом случае, чего хорошего нарисуешь, чувствуя себя, словно сонная муха? Знакомые уверяли, главное – втянуться. Помаешься, мол, месяцок и привыкнешь. Ничего подобного! Шел второй месяц жестокого эксперимента, и ничуть не привыкалось. Наоборот. Катя стала ловить себя на раздражительности и даже меланхолии – чувствах, совершенно ей не свойственных. С изумлением их обнаружив, Катя тут же отправилась увольняться. Жертвовать хорошим настроением ради чего бы то ни было не соответствовало ее представлениям о счастье.

Однако случилось непредвиденное. Сергей Васильевич Жуков, коммерческий директор, в ответ на просьбу об увольнении не только разрешил приехать попозже, но и повысил зарплату сразу в полтора раза. Это заставило Катю задуматься. Столько она не получит нигде. Более того – она еще не присмотрела себе нового места. Есть накопления на первое время, есть неплохой частный заказ – и ни малейших долгосрочных перспектив. Стоит ли идти на риск, раз проблемы благополучно рассосались?

Сергей Васильевич был доволен и в очередной раз словно невзначай то приобнимал Катю за плечи, то наклонялся, вдыхая запах ее волос. Катя не возражала, хоть и усмехалась про себя. Она знала, что коммерческий директор к ней равнодушен (такие вещи всегда чувствуешь), а вот он не догадывается, как много потерял. Уволившись, она, возможно, стала бы его любовницей, а теперь – вряд ли. Как говаривала ее подруга, «мухи отдельно, котлеты отдельно». Спать с сослуживцем, тем более шефом – нет уж, спасибо. Даже если на данный момент ты осталась одна.

Между прочим, частично в Катином одиночестве виноват именно Сергей Васильевич – или другой какой злодей, обрекший редакцию на раннее вставание. Катин женатый приятель, с которым она мирно встречалась на протяжении целого года, оказался достаточно наблюдателен, чтобы заметить ее депрессию. Ладно, если бы, не пожелав общаться со столь нервным существом, он сбежал – Катя бы его поняла. Но он отмочил такое, что повергло ее в шок: явился с видом человека, принесшего тебе в подарок целый мир и коньки в придачу, и, не сдерживая самодовольной улыбки, заявил, что у него сюрприз. И, пока собеседница гадала, гордо поделился решением уйти от семьи. Он, мол, долго изучал подругу, пытаясь понять, достойна ли она подобной жертвы, и теперь, по достоинству оценив ее покладистый нрав, хозяйственность, красоту, а, главное, искреннюю и нетребовательную любовь, сделал свой выбор. Если б она настаивала на разводе, он бы, наверное, не согласился, но видеть, как она чахнет от невозможности соединиться и в то же время не произносит ни слова упрека, выше его сил. Какой контраст с вечно унылой, пилящей за любую ерунду женой! Он оставит той все, включая детей, и переселится сюда.

От неожиданности Катя не сумела сдержаться и рассмеялась. Нет, ну надо же подобное выдумать! Конечно, в минуты близости Вадик иной раз вздыхал: «Как жаль, что я несвободен, а то мы могли бы пожениться», и Катя охотно соглашалась – безусловно жаль. Ей эти слова

ничего не стоили, а ему приятно. У нее и мысли не было, что их можно воспринять всерьез. Да и Вадик, казалось, говорил лишь из желания большинства мужчин казаться себе лучше, чем они есть. Имеет милую жену, двух чудесных дочек, высокооплачиваемую работу и молодую любовницу – что еще человеку нужно?

А Вадик продолжал расхваливать собственный героизм, не замечая реакции собеседницы. Пора было внести ясность – если не в мотивы, то, по крайней мере, в само решение. Мотивы же были просты. Не для того человек долго и трудно добивается возможности жить одному, чтобы добровольно отказаться от этого счастья. Вадик прекрасно знал всю историю. Еще пару лет назад Катя с мамой и Катина старшая сестра с мужем и дочкой ютились в небольшой трехкомнатной квартире. Катя не ладила со свояком, а после смерти мамы рассорилась окончательно. Почему взрослая женщина двадцати шести лет должна терпеть, что ее постоянно поучают? Не будем говорить о брюзжании, без которого Леша не мыслил жизни, и о вечных попреках жене. Пусть Оля выносит это, раз ей нравится, но при чем тут Катя?

В квартире были прописаны лишь Катя и Оля, поэтому Кате казалось справедливым обменяться на две однокомнатные. Леша же полагал, что требуются двухкомнатная квартира и комната в коммуналке – у него ведь целая семья, а много ли надо незамужней свояченице? Катя, не желавшая ехать в коммуналку, возражала: раз он прописан у своей матери, пусть она оставит ему с семьей свою двухкомнатную, сама же переселится в однокомнатную. Короче, квартирный вопрос, как положено, обострил отношения до предела. Оля ловко сумела устроиться от схватки, зато Катя с Лешей по мере сил отравляли друг другу жизнь – он непрестанно ругался, а она, не имея к этому таланта, предпочитала в ответ язвить. Как ни странно, острый язык победил. Леша согласился на обмен, и вот уже год Катя блаженствует, живя самостоятельно.

Знакомые уверяли, что она даже резко похорошела. Действительно, в нынешние двадцать восемь она, пожалуй, выглядела лучше, чем в двадцать пять. Высокая, тоненькая, с пышной копной темно-каштановых волос, которые предпочитала носить распущенными, Катя была достаточно привлекательна, чтобы нравиться мужчинам, и недостаточно красива для того, чтобы ее недолюбливали женщины. Благодаря жизнерадостности она была желанным гостем почти в каждой компании. Она ценила общество, но мысль о собственной квартире, где она останется в совершеннейшем одиночестве, грела душу куда сильнее, чем целая толпа любовников.

Впрочем, ни о какой толпе речь не шла. Да, Леша вечно нудил, что Катя – развратная женщина (в порыве гнева употребляя и более краткий термин). Сама Катя себя таковой не считала. Безусловно, она нуждается в сексе. В конце концов, мы нуждаемся кое в чем куда менее привлекательном и не делаем из этого трагедии, спокойно предусматривая наличие в квартире туалета. Катя редко имела нескольких любовников сразу и предпочитала не вступать в случайные связи. Где тут разврат?

«Ты увлекаешь женатых мужчин, разрушая семьи», – парировал Леша. Очевидная ерунда! Катя не имела ни малейшего желания что-либо разрушать. Разве она виновата, что связь с женатым оказывалась более прочной и удобной, чем с холостым? Холостые пугливы, вечно мнят, что ты жаждешь затащить их в загс, и притом требуют от тебя слишком большой затраты времени и душевных сил. Нет, женатые лучше. Катя не понимала, какой тут урон семье, ведь семья ничего не знает. А и знала бы, с мужчины не убудет. Сперматозоидов его организм вырабатывает более чем достаточно. Катя с симпатией относилась к жене Вадика и даже помогала выбирать для нее подарки к праздникам. Женщина, способная терпеть подобное сокровище каждый день, этого заслуживает. В постели Вадик хорош, однако все его интересы вертятся вокруг себя, любимого. Чем его покормили, как одели – и, разумеется, какой он гениальный и недооцененный. Катя обычно не слушала, думая о своем и ловко вставляя в нужные моменты: «Ну конечно, дорогой, ты совершенно прав».

Вот и теперь ей в голову не пришло честно признаться: «Да в качестве мужа ты мне совершенно не нужен!» Зачем обижать человека? Прекратив неуместный смех, Катя понесла сентиментальную чушь о том, что она плохая хозяйка и не сумеет обеспечить Вадика достойную жизнь. Тот гордо парировал, что всему ее научит. Катя напомнила о детях – Вадик наверняка будет по ним скучать, наверное, ради них стоит сохранить семью? – но и здесь не преуспела. «Как сильно ты меня любишь, – одобрительно заметил Вадик. – Не переживай, ты заслужила свое счастье. Я остаюсь».

Катя не любила конфликтов и старалась их избегать, однако если не видела иного выхода, действовала решительно. В результате Вадик удалился, сообщив на прощание, что хотя все женщины – подлые лицемерки, Катя среди них – наиболее омерзительный экземпляр. А она осталась, одновременно и недовольная собой (как же это не уследила?), и глубоко удовлетворенная («словно животное, сумевшее отстоять-таки помеченную территорию», – невольно хихикнув, произнесла она вслух, изучив перед зеркалом выражение собственного лица). Эта мысль развеселила и вызвала другую – что ни делается, все к лучшему.

Действительно, раз Вадика потянуло бросить семью, с ним в любом случае следовало расстаться. Не хватало испортить жизнь двум девочкам и их матери, подобного абсолютно не заслужившим! Это во-первых. А во-вторых, пора расстаться еще кое с чем. За три года «Арт» Кате поднадоел, но решиться подать заявление об уходе, не имея повода, было трудновато. Теперь повод нашелся: работа, которая довела женщину до неумения выставить мужчину без скандала, – уже не работа, а настоящее стихийное бедствие.

Вот на следующий день, в пятницу, Катя и отправилась к коммерческому директору, преследуя сразу две цели – уволиться и, возможно, завести нового любовника. Сергей Васильевич Жуков всегда казался ей привлекательным, хотя мало кто в редакции с этим мнением согласился бы. Его считали заносчивым, самодовольным, малокультурным нуворишем, делающим мало чести столь интеллектуальному издательству, как «Арт». И Катя подписалась бы под каждым словом – но добавила бы, что чести Сергей Васильевич приносит мало, зато денег – более, чем достаточно. Это не значит, что ее привлекали в Жукове деньги – однако умение их преумножать Катя в представителе сильного пола весьма ценила. Да, Сергей Васильевич способен читать новинки современной литературы только в надежде извлечь из них прибыль и знает лишь одного художника Васнецова, автора пресловутых «Трех богатырей», – но это не значит, что он дурак. Просто использует ум не так, как Катя и ей подобные. Что касается самодовольства, оно в той или иной форме присуще любому мужчине. Это что-то вроде их отличительного полового признака, требовать от любовника отсутствия какого-то – все равно что искать темпераментного евнуха. Заносчивость... пожалуй, тут Жукова есть в чем упрекнуть. Кате не нравилось, что он не отвечает на приветствие уборщицы, которая годится ему в матери. Но, в конце концов, в самой Кате тоже наверняка масса черт, которые кто-то осуждает. Все мы далеки от идеала. Сергей Васильевич импонировал ей физически – в данном случае последнее куда важнее.

Внешность коммерческого директора не у каждого вызвала бы восторг. Невысокий, сухощавый, жилистый, в сорок лет уже начинающий лысеть, Жуков отнюдь не был красавцем. Но, когда он прикасался к Кате – что происходило постоянно, хотя вроде бы невзначай, – ей было приятно. Однако она его не поощряла, скорее наоборот. И так тебе часто подпихивают работу на дом, не хватало забирать с собой еще и шефа! Другое дело, если собираешься увольняться.

Поскольку с увольнением не получилось, желание завести роман исчезло. Катя вернулась к рутине, довольная благополучным решением проблемы раннего вставания, приятно удивленная повышением зарплаты и в глубине души немного разочарованная – она настроилась радикально сменить обстановку.

Глава 2

Долго ждать не пришлось. Уже в понедельник Катя не без горечи вспомнила выведенный ею экспериментально закон, согласно которому если человек чего-то по-настоящему хочет, то обязательно получит – но не так, как он себе это представлял. Вот проявила себя жадиной, прельстилась лишними деньгами, которых, кстати, все равно теперь не увидит, – и что? Вместо гордого ухода по собственному желанию – увольнение со скандалом. С одной стороны, какая разница? Важен результат. А с другой... если Турищев и впрямь собирается «открыть глаза на вопиющий непрофессионализм Долининой всему издательскому миру», найти новую работу будет тяжеловато.

Что за вожжа попала ему под мантию? Утешало, что Катя сумела в ответ крепко испортить обидчику настроение – он аж в лице переменился. Надеялся, напал на беззащитную овечку? А важности-то, важности, словно Турищев – не рядовой детективщик, а по меньшей мере гибрид Толстого с Достоевским. Удивительно нелепая история, настоящая комедия! И, оживившись, Катя принялась думать, в каком ключе опишет сегодня новые подвиги писателя посетителям форума. Они тоже имеют право повеселиться.

То, что основу процветания издательства «Арт» составляют произведения Артема Турищева – он же Арт Тур, – было известно всем. Издательство ли организовывалось под Турищева или первым шагом своей деятельности оно создало и раскрутило на редкость успешный проект под названием «Арт Тур», трудно сказать. Катя склонялась к последнему, поскольку не видела в Турищеве особого таланта. Как, впрочем, не видела и во многих других популярных авторах. Книги Турищева были, безусловно, читабельны. Этим не вполне правильным словечком Катя обозначала тексты, которые проглатываются как-то незаметно, вроде чищенных семечек. Это безусловный плюс. Кому сейчас охота пропихивать в себя литературу, словно сухой репейник? В качестве горького лекарства нам вполне хватает новых парламентских указов. Итак, легкие, приятные вещицы. Если смотреть в корень – смесь детектива с любовным романом. То, что доктор прописал замордованной работой людям. Прочел и забыл. Вон сколько подобного барахла красуется на лотках! Каждый второй едет в метро, стыдливо прикрывая пеструю обложку.

Тут и зарыта собака. Катю всегда удивляло желание некоторых казаться лучше, чем они есть. Какой-то комплекс, честное слово! Особенно у мужчин. Чего плохого в развлекательной литературе? Но хочется прослыть интеллектуалом, презирающим массовое чтение и питающимся исключительно элитарным искусством, щедро сдобренным историей с философией. Прослыть не только перед окружающими, а даже перед самим собой. Однако от Розанова с Андреевым и Мережковским тошно – или, в лучшем случае, клонит в сон. Вот бы изучать нечто супермудрое и быть на гребне современности, совершенно себя при этом не затрудняя. Уверяете, невозможно? Отнюдь нет. Высокохудожественные религиозно-философские романы Арт Тура всегда к вашим услугам, гарантированное качество, две штуки в год.

Четверть века назад Умберто Эко сотворил шедевр – «Имя розы». Знаменитый ученый-медиевист работал над ним много лет и создал вещь сколь занимательную, столь и познавательную, где удивительная сила художественного воздействия гармонично сочеталась с почти строгой научностью (или с почти научной строгостью, это уж как вам угодно). Больше, на Катин взгляд, подобное не удавалось никогда и никому – даже самому Эко. С тех пор мухи всегда подаются отдельно, котлеты отдельно. А вот что обозначить в меню – другой вопрос. «Оказывается, это сложнейшая притча с несколькими пластами исторических аллюзий, а я проглотил ее за пару дней и все понял? Что ж, я и раньше догадывался о своем недюжинном уме. Не мешает проинформировать о нем окружающих. Вы уже читали последнюю вещь Арт Тура? Он – мой любимый писатель». И замечательно. Все, что приносит людям радость, –

хорошо. Но уж сам-то Турищев прекрасно понимает, что делает. Тоже мне, великий гуру! Просто способный компилятор. Это, разумеется, немало – скомпоновать старые идеи так, что они легко воспринимаются (еще бы, их пережевывают уже много лет) и одновременно не кажутся скучными. Катя с уважением относилась бы к способностям Турищева, не носись он так со своею мнимой гениальностью.

Что касается глубоких исторических знаний писателя, тут у Кати иллюзий не оставалось, особенно после обнаружения того самого сайта. Ошибок в романах было немало – хотя обилие цитат, точных дат и даже ссылок на некие мифические документы придавало книгам ауру достоверности. Кате всегда казалось, что действие происходит в иллюзорном мире общепринятых представлений. Она не видела здесь ничего плохого и оформляла обложки соответственно. Коллаж из узнаваемых символов – тут и Эйфелева башня, и старинная рукопись, и фрагмент из Босха. Все в одном флаконе, включая неземную любовь. Конечно, символ любовного романа – блондинка, страстно прикидывая к накачанному красавцу, – выглядела бы неуместно, но Гала Дали или Олимпия Мане не нарушали стиля и в то же время вызвали у читателя нужные ассоциации.

Кстати, именно благодаря идее серийного дизайна Катю, не имеющую ни большого опыта, ни связей, взяли в издательство на хорошую ставку. Продажи сразу подскочили, и было решено в дальнейшем придерживаться данного варианта. За три года вышло шесть книг Арта, сейчас Катя работала над седьмой. Да что там, работала, фактически закончила. Она знала, что в понедельник ожидается явление Христа народу – то есть приезд Турищева в «Арт», – причем писатель обязательно потребует показать ему рисунок и что-нибудь забракует. Например, заявит, что вместо рублевской «Троицы» следует поместить фрагмент «Тайной вечери» Леонардо. Или наоборот. Короче, продемонстрирует свое превосходство. Катя привычно воскликнет: «Ах, спасибо, насколько теперь стало лучше, какая же я глупая!», и Турищев удалится к Жукову, а Катя останется, хихикая в кулак. Поведение Турищева всегда ее смешило. Или не всегда, а последнее время. Раньше он больше походил на нормального человека, зато теперь – вылитый памятник самому себе. Возможно, этого требует Лайма, а он уже не рад? Но среди своих мог бы не притворяться...

Катя не собиралась спорить с тем, что имидж для модного автора – половина успеха. Эту половину обеспечивала Турищеву жена Лайма. Профессиональная пиарщица, теперь она занималась исключительно мужем. Они познакомились и поженились пять лет назад, когда Арта только начали раскручивать. Лайма тогда работала в крупном рекламном агентстве, занимаясь связями с телевидением. Из агентства она ушла, а вот связи умудрилась сохранить. Жуков не раз с восторженным придыханием сообщал, что выступления Турищева на разнообразных ток-шоу не стоят издательству ни копейки. Поначалу, судя по всему, способным болтать на любую тему писателем затыкали неожиданно возникшие дыры, а с увеличением популярности его книг стали приглашать заранее и на самое престижное время. Все это (и многое другое, вроде постоянных презентаций и контактов с прессой) делалось через Лайму.

Турищев легко оставил семью ради тридцатилетней красавицы-литовки, с которой познакомился во время своих первых съемок. Ему тогда было сорок пять. Глядя на Лайму, Катя понимала, что именно так представляет успешную женщину, своими руками выстроившую собственную жизнь. И не без удовольствия констатировала, что сама от подобной жизни взывала бы через пару дней. Зато Лайма, похоже, счастлива. Имеет право.

Она твердо знала, чего хочет, эта высокая, подтянутая блондинка с выхоленным, гладким от ботокса лицом. Если б не его выражение, Лайме легко было бы дать восемнадцать. Турищев пропустил жену вперед – немолодой, однако не лишенный привлекательности барин, интеллектual и сибарит рядом с сугубой деловитостью и непривычной, словно подернутой инеем красотой. Лайма слегка улыбнулась Жукову – нет, отмерила ему ровно необходимое количество улыбки, затем вежливо и высокомерно поздоровалась с остальными, после чего была пре-

проводилась в кабинет. Катя не исключала, что частично ощущение высокомерия создает прибалтийский акцент, однако все равно чувствовала себя актрисой, играющей свиту королевы. Ее так и подмывало с невинным видом предложить понести шлейф. Но это было рискованно – у дамочки явные проблемы с чувством юмора.

Протянув Турищеву эскиз, Катя привычно ждала замечаний – и крайне изумилась, когда тот спросил:

– Что это, Катюша?

– Эскиз обложки, – вынуждена была тупо пояснить Катя.

– Вот это? – вскинул брови Турищев. – Катюша, вы что же, все перепутали? Что с вами, деточка?

Катя вгляделась в рисунок. Роман еще не был до конца написан, но подробный план Катя проштудировала добросовестно и никаких промахов, кажется, не допустила.

– Что-то не так? – осторожно уточнила она.

– Деточка, не морочьте мне голову, – улыбнулся Турищев. – Где настоящая обложка? Та, о которой мы договорились.

– Договорились? – столь же тупо повторила Катя. Она была в недоумении.

– Ну, о новой визуальной концепции серии, – стер улыбку писатель. – Вы что же, ничего не сделали?

– Но мы не договаривались о новой концепции, Артем Андреевич. Вы что-то перепутали.

Произнесла – и тут же спохватилась. Величайший гений современности не может перепутать, виноват будет кто угодно, только не он. Поэтому Катя покладисто добавила:

– Или я вас неправильно поняла.

– Так готова новая концепция или нет? – сухо осведомился Турищев.

– Нет. Но я не...

– Идемте.

Катя вынуждена была последовать за писателем, причем едва поспевала, такую скорость неожиданно развил вальяжный барин.

В кабинет Жукова ворвались без стука. Жуков и Лайма, похоже, спорили. Катя даже удивилась – чего это Снежная королева так горячится? – но было не до пустых раздумий.

– Эта особа сорвала мне выпуск книги, – процедил Турищев, указывая на Катю движением вздернутого подбородка. – Теперь в срок вам наверняка не уложиться.

– Уложатся, – коротко возразила Лайма, и от неуловимого акцента слова прозвучали приказом. – У меня все рассчитано по дням.

– Конечно, уложимся, – широко улыбнулся Жуков. – Катя, что же вы не подготовили обложку? Ничего, Артем Андреевич. Катя, если надо, работает быстро, она все сделает.

– Художественные концепции не создаются за пару дней, – раздраженно сообщил Турищев. – По крайней мере, адекватные моим произведениям.

– Но ведь концепция у нас есть, – напомнил Жуков. – Прекрасная концепция. Читателям нравится.

– Значит, госпожа Долинина ничего вам не передавала?

«Вот я и пробилась в госпожи, – констатировала Катя. – Влипла так влипла».

Теперь черед тупо переспрашивать настал для Жукова.

– Передавала? – выдавил он.

– Ну да. Я еще месяц назад сообщил ей, что не удовлетворен старым дизайном. Для моих предыдущих вещей он годился, не спорю. Но я вырос как художественно, так и интеллектуально, и теперь требуется большее. Госпожа Долинина обещала воплотить мои задумки в жизнь.

– Задумки? – Лицо Жукова выразило искреннее недоумение. – Но нынешний дизайн хорошо расходуется. Зачем задумки? Лайма, разве мы собирались что-то радикально менять?

– Радикально – нет. Артем, объясни толком.

Катя невольно обратила внимание, что коммерческий директор обратился к Лайме как к высшей инстанции, за которой последнее слово. Впрочем, правильно. Турищев отвечает за содержание книги, а обложка не по его части – это уже часть имиджа.

– По-моему, все предельно ясно. Месяц назад я озвучил госпоже Долининой свои соображения по новому дизайну, а она должна была воплотить их в жизнь. Она этого не сделала – более того, скрыла мое требование от руководства издательства. Я ведь правильно понял, Сергей Васильевич? Вы были не в курсе? Или... – Турищев угрожающе сдвинул брови, – или вы все знали и намеренно проигнорировали мое мнение?

– Не знал, не знал, – замахал руками Жуков. – Что вы! Как я мог проигнорировать ваше мнение? Но раз так получилось, возможно, оно и к лучшему? Книга выйдет в привычном оформлении... читатель сразу ее узнает, выделит на прилавке...

– Читателю незачем выделять мою книгу на прилавке, – ледяным тоном парировал Турищев. – Он подойдет и попросит... нет, потребует последнее произведение Арт Тура. И, увидев необычную обложку, сразу поймет, что в моем творчестве наступил перелом.

– Ты не должен решать подобные вопросы самостоятельно, – возразила Лайма. – Следует сперва просчитать, будет ли это коммерчески выгодно. Девушка права, что тебя не послушалась. Но не права, что скрыла все от нас. Девушка, это безусловное нарушение субординации.

Катя с трудом сдержалась, чтобы не известить, сколько лет она уже не девушка. Лайма нередко появлялась в издательстве, однако не удосужилась выучить ни одного имени – кроме, разумеется, имен начальства.

– Я впервые слышу о новой концепции обложки, – стараясь быть спокойной, произнесла Катя вслух.

– Сперва я грешил на женскую забывчивость, – словно об отсутствующей, продолжил Турищев. – Но теперь склоняюсь к мысли, что госпожа Долинина действовала намеренно. Это саботаж.

– Ну что вы! – горячо вступился Жуков. – Катя на это не способна. Забывчивость, тут одна забывчивость. Молодая, красивая девушка, ветер в голове. Простим ее на первый раз и выпустим еще одну книгу в старом дизайне. Лайма права, мы обязаны уложиться в срок. Бизнес есть бизнес, вы же понимаете, Артем Андреевич.

Турищев возмущенно фыркнул, а потом вдруг повернулся к Кате и посмотрел на нее... трудно описать... с ненавистью, торжеством и тоской одновременно. «За что? – поразились Катя. – Мы почти незнакомы, а так смотрят на тех, кто задел тебя до самой глубины души. Но он ведь действительно ни слова не говорил про новую концепцию и не может этого не знать!»

Станный взгляд длился одно мгновение.

– Новый дизайн к сроку не придумать, согласен, – обратился Турищев к Жукову. – Однако прощать госпоже Долининой я не намерен. Надеюсь, вы понимаете, что она должна быть уволена?

– Но... но она это впервые, – залепетал Жуков. – Может быть, вы не будете... она... Катя, вы ведь обещаете впредь...

– Артем Андреевич ничего не говорил мне о новой концепции обложки, – глядя прямо в глаза коммерческому директору, твердо произнесла Катя.

«Пускай выбирает, – неожиданно решила она. – А мне все равно. Уйду я отсюда. Надоело».

– Думаю, она подкуплена нашими врагами, – с горечью поведал писатель. – Надеюсь, вы понимаете, что, пока эта особа имеет отношение к моим книгам, я не смогу продуктивно творить?

– Мы не подпустим ее к вашим книгам, – с готовностью пообещал Жуков.

– Она вообще не должна больше работать в издательстве. Ни дня.

Жуков посмотрел на Катю и, кажется, подмигнул.

– Вы правы, Артем Андреевич. С этого момента Долинина уволена.

– Таким людям не место в литературной среде, – слегка улыбнулся Турищев. – Их предел – оформлять витрины магазинов. Надеюсь, я сумею открыть глаза на вопиющий непрофессионализм Долининой всему издательскому миру. На это у меня хватит авторитета.

«Сволочь», – подумала Катя, хотя огорчения не чувствовала. Ей стало легко и даже весело, хотя веселье это было недобрым. Страшно захотелось на прощание задеть Турищева как можно больнее. Не из каких-то особых соображений – просто из вредности.

Долговременный конфликт с зятем не прошел даром – Катя умела найти у человека больное место. Какая-то потусторонняя сила заставила сделать простодушное лицо, захлопать ресницами и сказать:

– Простите, Артем Андреевич. Женщины вечно забывают, что и у мужчин есть критический возраст. Я должна была догадаться по тому, как изменились ваши книги. Не переживайте, пожалуйста, гормональный фон стабилизируется, и все наладится...

Выпад был не лучшего тона, даже откровенно вульгарный, но Катя откуда-то знала, что требуется именно это. Мужчины нынче любят в качестве последнего аргумента в споре намекнуть даме на физиологические особенности ее организма, однако страшно бесятся, если подобное заявить им самим. Тем более Арт Туру, который явно не готов смириться с тем фактом, что стареет.

Она не ошиблась. Лицо Турищева исказилось.

– Идиотка! – фальцетом заорал он. – Ты никому не нужна, поняла? Ты и твои чертовы картинки. Всем на них плевать, потому что ты – никто, а я гений! Я гений, вы все узнаете это и не посмеете больше, никогда не посмеете...

– Артем... – Лайма остановила мужа, положив руку ему на плечо. – Артем, пойдем. Нельзя забывать об имидже. Пойдем.

Писатель смолк на полуслове. Действительно, образ вальяжного барина несколько поблек. Впрочем, в голосе Лаймы не ощущалось особого беспокойства. Она просто взяла мужа и увела из кабинета, не забыв равнодушно попрощаться с Жуковым и привычно проигнорировав Катю.

Коммерческий директор плотно прикрыл дверь и, ухмыльнувшись, заметил:

– Достала ты его классно. Критический возраст... – Это был как раз тот вид юмора, который он был способен оценить.

– Кто кого первый достал, – парировала Катя.

– Это да. Но мы крепко на него завязаны, приходится терпеть. Он что, правда не говорил про новую концепцию?

– На все сто.

– Значит, ты чем-то ему не угодила, – констатировал Жуков, нахмурившись. – Ты вообще часто болтаешь, чего не надо. И рисуешь.

– Что рисую? – не поняла Катя.

– Чего не надо, – странно пояснил директор. – Ты хоть понимаешь, что твою руку легко узнать? А эти так называемые писатели жутко обидчивые. Я имею в виду, когда раскручены. Подсадили нас на свой бренд и выкаблучиваются. Не верю, что его новый стиль с дурацкими наворотами прибавит нам продаж. Ох, что же нам делать с тобою, Катя-Катерина?

Катя молчала, не собираясь признаваться, что в любом случае решила уволиться. Ей было любопытно, как поступит Жуков. От этого многое зависело.

– Наш Арт не из отходчивых, – заметил Сергей Васильевич, придвигаясь поближе и дыша Кате в самую шею. – Вопиющий непрофессионализм – у тебя-то! Смешно слушать. Но тебя теперь не возьмут ни в одно нормальное издательство.

– Есть масса других способов заработать, – ответила Катя, отодвигаясь.

– Это точно, – обрадовался Жуков. – Такой красоте! И ноги у тебя... Я вообще удивляюсь, зачем тебе работать. Вставать, тащиться куда-то, в транспорте толкаться. Любой мужик давал бы тебе те же деньги за просто так... ну, то есть... то есть... я бы, например...

Он засопел, словно астматический еж, и снова ткнулся Кате в шею, но она опять отодвинулась, с интересом уточнив:

– Те же деньги – это моя зарплата до предложенного повышения или после?

На лице собеседника проступила столь явственная работа мысли (где, где же калькулятор?), что Кате стало смешно. Это не помешало ей закинуть руки за голову, выгодно обрисовывая грудь, и кокетливо произнести:

– Успокойтесь, Сергей Васильевич, я не собираюсь вас разорять. Тем более если Турищев узнает, что я по-прежнему у вас на содержании, ему это не понравится. Стоит ли идти на риск?

– Мы будем осторожны, – уверил побагровевший Жуков, не сводя взгляда с груди.

– Увы, – уже вслух позволила себе засмеяться Катя, – я не умею быть осторожной. До свидания, Сергей Васильевич.

Вот так она лишилась работы. И вдобавок – одного актуального любовника и одного потенциального. Не много ли для нескольких дней? Следовало развеяться, и дома Катя вышла в Интернет. Чем допекать жалобами на жизнь ни в чем не повинных подруг, лучше поправить настроение с помощью Сети – от той не убудет.

Глава 3

Сайт, посвященный Турищеву, Катя обнаружила случайно. Точнее, адрес официального сайта, созданного издательством, она, разумеется, знала, но заглядывать туда не видела смысла. Кому нужна подчищенная информация? А хотелось иметь объективное представление: как книги Арт Тура воспринимаются читателем, что нравится больше, что меньше, что выглядит главным, что второстепенным. Поскольку Катин дизайн строился на потакании ожиданиям определенного слоя («Читатель ждет уж рифмы розы? На вот, возьми ее скорей»), любопытство вовсе не было праздным. Конечно, в редакции имелись люди, изучающие спрос профессионально, однако Катя видела, что они пользуются готовыми западными клише, забывая старую поговорку «что русскому здорово, то немцу смерть». И, соответственно, наоборот. Возможно, загадочная славянская душа сильно переменилась, только душою англосакса явно пока не стала. Ей требуется нечто свое – и следовало понять, что именно.

Во время одного из блужданий по Интернету в поисках подобных сведений Катя и наткнулась на неофициальный форум... ей сперва показалось, поклонников Турищева, но при ближайшем рассмотрении выяснилось – совсем наоборот. В верхнем посте недвусмысленно заявлялось, что произведения Арт Тура – отнюдь не шедевры, а добротнo состряпанные поделки, потрафляющие дурному вкусу. Впрочем, не всегда и добротнo. Далее – длинный и крайне едкий список замеченных в последнем романе нелепостей и плохо замаскированного плагиата. Катя, прикинув к экрану, искренне хохотала. Она была согласна с каждым словом – хотя относилась к ситуации гораздо мягче. Раз кому-то нравится подобный стиль, значит, он имеет право на существование. В конце концов, и она читает Арт Тура не без удовольствия. Однако хотелось бы, чтобы на витрине со стразами было честно указано – «стразы», а не красовалась надпись – «натуральные бриллианты». Люди должны знать, за что платят. А то многие верят сведениям, почерпнутым у Арт Тура, словно это самый надежный исторический источник.

Высказавшись в подобном смысле, Катя стала посещать сайт ежедневно. После атмосферы редакции, где Арт Тур являлся священной коровой, было огромным облегчением посмеяться над культовой фигурой в компании единомышленников. Особенную радость доставлял чат, дававший возможность общаться в режиме реального времени. Форум с более-менее серьезными заметками Катя в основном лишь просматривала, но писала туда редко, зато болтать в чате обожала.

Однако сегодня Катя начала с изучения отзывов. Дело в том, что накануне она выложила на сайт бомбу замедленного действия – карикатуру на Турищева. Конечно, это было не слишком порядочно, но очень уж хотелось. Представляя, как в понедельник гениальный писатель явится в издательство и будет снисходительно всех поучать, Катя сама не заметила, как набросала ехидную картинку. Вальяжный барин (она несколько прибавила подбородков и живота) благословляет склонившихся в религиозном экстазе людей, а подпись гласит: «Великий Пи Ар и его поклонники». Впрочем, не содержание делало карикатуру по-настоящему разящей, а умение Кати подмечать и обострять смешные детали.

Сперва Катя намеревалась порвать результат своих трудов, но чем дольше на него смотрела, тем яснее понимала, что не сумеет. А вскоре возникло самоубийственное желание показать рисунок кому-нибудь из коллег. Вот уж чего делать не стоило! С тобой охотно похихикают – и тут же донесут начальству. Или не начальству, но новость все равно разлетится по редакции и, не дай бог, дойдет до самолюбивого Турищева. Может, Катя и сумасшедшая, однако не настолько. Как понимала она героя мифа, нашептавшего об ослиных ушах царя молчаливому тростнику...

У современного человека подобный тростник всегда под рукой, растя в виртуальном пространстве под именем Интернета. И Катя, отсканировав карикатуру, выложила ее на сайт. А что? Никто не знает, кому принадлежит ник «К. Д.» (так Катя Долинина зарегистрировалась на форуме).

Теперь она с интересом читала отзывы. Разумеется, в первую очередь откликнулись постоянные посетители, ники которых встречаются на каждой странице. «К. Д., вы гений! – восторженно написала Незнакомка. – Это больше похоже на Арт Тура, чем сам Арт Тур. Я поставила картинку заставкой на комп и люблюсь». Скептик сообщал: «Неплохо подмечено. В данном случае “поклонники” – это и впрямь те, что поклоняются. PR ловко использует вечное желание человека сотворить себе кумира» (Катя, рисуя, ничего такого не подразумевала, однако не удивилась. Она знала, что Скептик умнее ее и глубже. Зато у него неважно с юмором). Старый пират: «Класс! Супер!» Невинная девушка (наиболее ехидное создание на форуме, наверняка простившееся с невинностью много лет назад или вообще никогда ею не обладавшее): «У бедного Арт Тура и впрямь обострение мании величия, но над старостью смеяться грех. Мы, невинные девушки, плохо разбираемся в подобных вещах, но говорят, у мужчин тоже бывает климакс. Только существам, которым не приходится пользоваться прокладками, куда труднее диагностировать его вовремя». («Черт! – подумала Катя. – Я сегодня ляпнула Турищеву почти то же самое. Удивительно грубо. Но, похоже, идея витает в воздухе».) И наконец, крик души несчастной Эстреллы: «Как вам всем не стыдно? Вы завидуете потому что дауны на понтах он гений а никакой не кумир и не PR. Вы несправедливые и злые но вас мало а нас много. Мы не станем на вас обижаться взломаем сайт и все порушим».

«Расстроила я ребенка», – вздохнула Катя и в новом окне открыла «Живой журнал». Наверняка там Эстрелла высказывается о рисунке еще круче. Где последняя запись?

«Свершилось – я снизошла, наконец, к его мольбам». Похоже, девочке не до карикатуры. Это ж надо, помещать в открытый доступ подобные откровения! Даже не для придруженных, а читай, кто хочет. Ну, значит, ей это нравится. Эстрелла сама дала на сайте ссылку на свой «Живой журнал» и Катя изредка, однако охотно его посещала. Ее забавляли старания сделать из жизни романтическую драму – притом что все записи явно основывались на реальных событиях. Получалось нечто вроде пародии, а Катя обожала смешное.

Увы, сегодня посмеяться не удалось, хотя нелепостей в тексте было еще больше, чем обычно. Дурное предчувствие помешало ими наслаждаться. То, что Эстрелла завела любовника, естественно и нормально, при ее темпераменте давно пора – но теперь Катя заподозрила, что тип, дурачивший девчонку в Интернете, притворяясь Арт Туром, – действительно Артем Турищев. И это было плохо.

Катя прекрасно понимала, что назваться в чате можно хоть Наполеоном, и не придавала значения восторгам Эстреллы, якобы виртуально познакомившейся со своим кумиром. Однако нынешний пост кипел такою страстью, что было очевидно – встреча произошла наконец в реале. А тут уж фанатичная поклонница Арт Тура вряд ли приняла бы за него кого-то другого.

Турищев во всех отношениях отвратительный любовник, в этом Катя готова была поклясться. Особенно он противопоставлен юному наивному существу (если возраст остальных посетителей сайта оставался загадкой, в Эстрелле Катя не сомневалась).

«Имею ли я право становиться на пути его славы, его призвания, разрушить его прошлую жизнь, чтобы в ней осталась только я? Я и наша любовь. Он готов пожертвовать ради меня всем, но принимать ли мне его жертву? Не знаю... не знаю...»

Катя в сердцах закрыла «Живой журнал». Настроение резко испортилось. Все говорят, Турищева тянет на молоденьких. По выражению небезызвестного Пятачка, «любит ли Слонопотам поросят и как он их любит?» Гастрономически, как же еще? Была даже крайне неприятная история с одной девочкой... Катя предпочитала не вникать, однако краем уха слышала. И вот он снова за свое! Хоть бы Лайма вмешалась, но она, похоже, смотрит на демарши мужа

сквозь пальцы, лишь бы все было шито-крыто. Знает, что никуда Турищев от нее не денется. Бедная Эстрелла, ребенку предстоит немало помучиться. Хотя, наверное, этого так или иначе не избежать. Каждый в определенном возрасте проходит через несчастную любовь, чтобы путем страданий заполучить необходимый в дальнейшем защитный панцирь. Стоит ли сокрушаться о неизбежном?

И Катя решительно вошла в чат.

Там подстерегала неожиданность – новое лицо под ником Осведомленный.

– И о чем же вы осведомлены? – съязвила Катя.

– Об Арте. Знаю такое, все обалдеют. Ты тоже.

«Ты» так «ты».

– Расскажи, – заинтересовалась Катя.

– Не поверишь. Это надо видеть.

– Где видеть?

– У него на даче. Знаешь, где его дача?

– Примерно, – ответила Катя. Она ни разу там не бывала.

– Если не сдрейфишь, завтра увидишь.

– Почему завтра?

– Сегодня уже поздно. Приедешь завтра к семи вечера?

– Куда?

– Дак на дачу же. Сейчас объясню. Или дрейфишь?

– Нет.

– Едешь на электричке до Репино и идешь по путям дальше до такой полосатой будочки.

Буду ждать в семь. Придешь?

– Не знаю. Ты кто?

– Не бойсь, не маньяк. Меня этот Арт достал. Строит из себя, а сам дерьмо. Но никто не верит. А прийти и убедиться кишка тонка. Вот нашел ваш сайт. Может, вы покруче. Че слово, увидишь – удивишься. Приходи.

– Я подумаю, – сообщила Катя и выключила компьютер.

Настроение повысилось, можно было спокойно ложиться спать, не опасаясь неприятных снов.

Проснувшись Катя за полдень, не торопясь сварила себе крепкий кофе и даже, поразмыслив, открыла банку красной икры. Поскольку жизнь так или иначе началась с чистого листа, нужно не воспринимать это как трагедию, а отметить, словно долгожданный праздник. Во всяком событии есть положительные и отрицательные стороны. Самое правильное – радоваться первым и закрыть глаза на вторые. Не надо идти на работу – разве не здорово? И не придется больше терпеть занудство Вадика и самодовольство Турищева. Они оба ее не стоили. Чтобы окончательно в этом убедиться, Катя повертелась перед зеркалом. Тра-та-та! Разве такая милая девушка останется непристроенной? Нет ничего хуже однообразия, правильно? От однообразия Катя теперь избавлена надолго. Настало время перемен и авантур. Встреча с загадочным Осведомленным – знак судьбы, а с судьбой не спорят.

Катя прекрасно понимала, что авантюризм опасен, однако останавливаться все равно не собиралась. Если честно, список ее любимых героев с детства возглавляли Чичиков с Остапом Бендером, причем она упорно присочиняла «Мертвым душам» и «Двенадцати стульям» новый конец, где все завершалось хорошо (по ее, разумеется, меркам). Ну не могли такие люди потерпеть неудачу! Недаром говорится: риск – благородное дело.

Однако излишнего риска Катя всегда старалась избегать. Даже пускаясь во все тяжкие, она продумывала свои действия. Вот и теперь. Вопрос, идти на странную встречу или нет, не стоял. Катя знала: если не пойдет, будет потом терзаться. Лучше сделать и жалеть, чем не

сделать и жалеть – данный принцип представлялся ей безусловно верным. Но еще лучше – сделать и не жалеть.

Итак, Осведомленный уверяет, что знает о Турищеве нечто неприглядное. Не только знает, но и собирается доказать. Сегодня после семи великий писатель устроит на своей даче... что? Оргию с участием малолетних? Открытый сеанс плагиата? Сколько ни гадай, не угадаешь. Остается увидеть собственными глазами. После вчерашнего поведения Турищева Кате особенно хотелось уличить его в чем-нибудь омерзительном. Чем омерзительнее, тем приятнее. Только вот как Осведомленный собирается демонстрировать зрителям тайны гения? Турищев будет бегать голым по саду, а мы прильнем к щелочке в заборе? Комедия! Или придется ползком пробираться через колючий кустарник, дабы подсматривать в окно? Подозрительно все это. Может, тайны-то и нет? А что есть?

Осведомленный прекрасно понимал, по какому пути пойдет мысль собеседницы. «Не бойся, я не маньяк», – заметил он. Хотелось бы в это верить. От станции Репино по путям до полосатой будочки... а там, разумеется, полное безлюдье. Набросится и придушит – или, в лучшем случае, изнасилует.

Катя, рассмеявшись, пожала плечами. Почему-то ей казалось, что придушить или изнасиловать не так-то просто. Разумеется, мужчина сильнее женщины. Но она самолично, например, помогала подруге дать весьма миниатюрной кошечке антисекс, и каждый раз это было большой проблемой, хотя животное не имело возможности сбежать за пределы квартиры. А ведь разница в силе между человеком и кошкой куда больше, чем между мужчиной и женщиной! К тому же у Кати есть газовый баллончик, а у кошки только когти. Еще зубы – однако зубами Катя тоже не обижена. Все свои, ни одного вставного. Кусаться, правда, давно не пробовала, однако при необходимости наверняка сумеет. Да и вообще, неужто нет более простого способа найти себе жертву, чем через сайт Арт Тура? Или маньяк, принадлежа к поклонникам писателя, решил прикончить его слишком строгих критиков? В первую очередь Катю. Как выскочит из полосатой будочки, как набросится: «Ты посмела нарисовать карикатуру на гения, умри, несчастная!» Пусть так. А если б она не заглянула вчера в чат, злодей остался бы несолоно хлебавши? Или с горя подстерег бы Незнакомку? Нет, лучше Невинную девушку. Хотелось бы посмотреть на того, кто попробует ее изнасиловать. Вернее, на бранные останки смельчака.

Короче, версия маньяка не выдерживает критики. Есть вторая, более вероятная – розыгрыш. Кто-то разыграл Катю и намерен власть повеселиться, глядя, как та мается у железнодорожной будки. Ну и что? Пусть Осведомленный порадует, он этого достоин, раз сумел так ловко нацепить наживку на крючок.

И, вооружившись на всякий случай баллончиком, Катя отправилась в путь.

Глава 4

Полосатая будочка красовалась неподалеку от станции, на переезде. Место выглядело не слишком заброшенным, даже машины проезжали. Надо быть совсем уж тупым насильником, чтобы заманивать жертву именно сюда. А Осведомленный не походил на тупицу.

Зато через четверть часа Катя разочарованно решила, что он – заурядный шутник. Почему заурядный? Незаурядный посмеялся б не заочно, а в лицо, и Катя бы охотно к нему присоединилась. А то стоишь тут и томишься. Тоска...

И вдруг Катю осенило. Осведомленный-то не знает, что она решила прийти! Катя ничего ему твердо не пообещала. В разочаровании он поехал на дачу к Турищеву один. Или не поехал вовсе. А время идет, писатель совершает запланированные гнусности, которых бедной Кате никогда больше не выпадет шанса увидеть – а так хочется, так хочется... Нет уж, раз она сюда примчалась, глупо возвращаться с пустыми руками.

Идея взбодрила. Правда, на даче у Турищева Катя ни разу не была, зато имела превосходную зрительную память. Катя закрыла глаза, и перед ней предстала фотография, иллюстрирующая текст статьи, а потом даже возникла фраза: «Слева от станции располагается комплекс домов, принадлежащих интеллектуальной элите». Слева так слева.

Нужное строение Катя опознала сразу. По нынешним временам ничего особенного, хотя неплохо. Каменный дом, наверняка с электричеством и отоплением. Хороший сад. Вокруг железная решетка, довольно высокая. При желании, конечно, перелезешь, но соседи подобного события наверняка не пропустят. Зачем нарываться на неприятности?

Катя пошла вдоль забора. Жизненный опыт подсказывал, что где-нибудь обнаружится погнутый прут. Да и вообще, сперва следует осмотреться. В памяти всплыл очередной абзац статьи: «В саду стоит небольшая, но изысканная беседка, где писатель любит проводить свободное время, обдумывая новые романы. Он знает, что там его никто не потревожит». Вот в беседке-то Турищев и занимается... занимается... короче, занимается тем, ради чего Катя сейчас здесь.

Погнутый прут заманчиво красовался на задах, у грязной канавы – как раз там, где не стоило опасаться свидетелей преступления. Да, проникновение на чужую территорию – преступление. Только вряд ли Турищев, обнаружив Катю, сдаст ее полиции. Это сделало бы его смешным, чего он боится пуще смерти. Он может только оскорбить ее и выгнать, а подобное Катя уже вчера пережила – и ничего, прекрасно себя чувствует. Она была возбуждена и даже улыбалась, пролезая в довольно широкую щель.

Слава богу, это был сад, а не привычный нынче кусок голой земли, расчерченный грядками. Катя, таясь за деревьями и кустами, осторожно кралась по направлению к смутно просвечивающей беседке. Приблизившись, она застыла, стараясь не дышать, поскольку заметила силуэт Турищева. Писатель почему-то не сидел, а почти лежал на скамейке. Прошло несколько минут, показавшихся Кате вечностью, однако он не пошевелился. Спит? В такой неудобной позе? Маловероятно. Или ему плохо? Сердце, например. Ох, как неудачно! Кате страшно не хотелось показываться Турищеву на глаза. Он, разумеется, решит, что она явилась умолять о прощении. Только этого не хватало! Но вдруг человеку действительно плохо и надо вызвать врача? Не оставлять же его помирать исключительно потому, что он – редкостный гад? И Катя, все еще зачем-то соблюдая осторожность, сунула голову в беседку.

Турищев никак не среагировал на подобную фамильярность, хотя глаза его были открыты. Катя почувствовала, как у нее стучит в висках. Потом сказала себе: «Надо», – и прикоснулась к руке Турищева. Холодная, но не слишком. Правда, на улице теплынь. Где-то тут должен прощупываться пульс... должен, однако не прощупывается. Еще бы – затылок писа-

теля разбит в кровь. Господи, как же она сразу не заметила? Он мертв! «Ну ты и влипла, – вслух произнесла Катя. – Кретинка недоразвитая!»

Думалось почему-то не о Турищеве, а о себе. Катя не слишком высоко ценила нынешнюю милицию, переименование которой в полицию вряд ли отразилось на сути. Расхлябанные мужчины с дубинками, собирающие дань с торгующих семечками старушек и лебезящие перед властью имущими, не вызывали желания довериться. Разумеется, они не станут обременять себя раздумьями. Вчера Катю уволили из-за Турищева, а сегодня она по непонятным причинам является к нему на дачу – и пожалуйста, обнаруживает труп. Ее лепету о чате и Осведомленном вряд ли кто поверит. Приехала, дабы отомстить – что и выполнила. Предумышленное убийство. Более щадящий вариант – приехала просить прощения и, не получив такового, действовала в состоянии аффекта. Все зависит от того, привезла ли она орудие преступления с собой или подыскала на месте. Катя огляделась. Самым странным и нелепым почему-то показался аккуратно свернутый галстук, лежащий рядом с писателем на скамейке. Тяжелого предмета рядом не наблюдалось.

Катя обошла беседку кругом и заметила увесистый булыжник, который явно недавно передвигали. Перевернув его, она увидела кровь. Вот и орудие преступления. В ужасе отскочив, Катя вернулась в беседку. Не разумнее ли сбежать? Турищеву уже не поможешь, зато себе навредишь. Пускай его обнаружит Лайма, с нее как с гуся вода. О, черт! А если Катю кто-то запомнил? Она дважды была на станции, четверть часа дорожным столбом торчала на переезде и вдобавок долго бродила вокруг дачи. Сбежав, она подтвердит свою вину. Увы, ничего не остается, кроме как вызвать милицию... то есть полицию? Нет, все же милицию – ну, не в силах она именовать их по-новому, хоть ты тресни.

Катя судорожно стала рыться в сумке, выуживая мобильник. Когда надо, никогда его не найдешь! Наконец в ярости вывалила содержимое прямо на землю. Идиотка, последняя идиотка! Угроздило же забыть его именно сегодня...

Она стояла на коленях, обозревая кучу собственных вещей, и вдруг увидела под скамейкой что-то блестящее. Телефон в вульгарном золоченом футляре. Протянула руку и набрала номер. Катя как-то не задумывалась, чей это сотовый и откуда он взялся. Требовалось позвонить в милицию – и позвонила, а остальное неважно.

– Я обнаружила труп, – нервно сообщила Катя, решив, что начинать надо с главного. Однако, похоже, приоритеты она расставила неверно.

– Кто вы? – спросили ее вместо того, чтобы поинтересоваться именем трупа.

Катя ответила – а что оставалось? Последовал второй вопрос:

– Где вы?

«Они явно считают, что я – это основное, а убитый – несущественная деталь», – недовольно подумала Катя, объясняя, что находится в Репино около дачи писателя Турищева.

– Турищев? – скептически уточнил голос, явно сомневаясь в существовании писателя с подобной фамилией.

– Его псевдоним – Арт Тур, – раздраженно поведала Катя. – Читали?

– Конечно, – оживился неизвестный. – Так что у него на даче?

– Его мертвое тело, – буркнула Катя, все больше злясь на себя, что не сбежала. – Или я зря позвонила? Вам неинтересно?

– Девушка, не кладите трубку! – Собеседник наконец-то взволновался. – Вы хотите сказать, тело самого Арт Тура?

– Да, хочу.

– Он умер?

– Наверное. Пульса я не нашла.

– Вы позвонили в «скорую»?

– Нет, я звоню вам. Я полагала, полиция лучше знает, что следует предпринять.

– Скоро должна выйти его новая книжка, – зачем-то известил милиционер. – Вдруг он жив? Мужчина еще не старый.

– Если размозжить затылок, помрет и молодой, – ехидно заметила Катя.

– Затылок? Вы хотите сказать, его кто-то ударил?

– Полагаю, что да.

– Минутку.

В трубке щелкнуло, и уже другой человек строго произнес:

– Никуда не уходите и ничего не трогайте. Мы скоро будем.

– Милости прошу, – пригласила Катя, нажимая отбой.

Вляпалась, так уж вляпалась. Какие-то заторможенные придурки! Разбираться, кто виноват, они не станут – да, впрочем, и не сумеют. Явятся, наденут наручники и уволокут в кутузку к воровкам и проституткам. Хотя проституция у нас вроде ненаказуема? Значит, предстоит общаться исключительно с воровками. Жизненный опыт – вещь полезная, однако всему есть предел.

Катя недовольно посмотрела на Турищева. Вечно от него неприятности! Кстати, заторможенный собеседник прав: почему она так уверена, что писатель мертв? Не шевелится и глаза открыты, но она ведь не врач и не разбирается в подобных вещах. Вот будет номер, если он жив, а она даже не сообщила в «скорую». Совесть потом замучит.

В руке по-прежнему был телефон, однако после только что состоявшегося на редкость дурацкого разговора ввязываться в новую беседу, теперь уже со «скорой», страшно не хотелось. Не зайти ли в дом? Лайма производила впечатление человека, который может все – в частности, отличить живого от мертвого. Да и вообще, невежливо вызвать милицию, не предупредив хозяев. Мысль о том, что несет бедной женщине трагическое известие о смерти мужа, у Кати почему-то не возникла. Видимо, ей казалось, что Лайма перенесет известие любой степени трагизма, не моргнув глазом.

Сунув телефон в карман, Катя двинулась к даче – по непонятным причинам продолжая соблюдать осторожность. Из открытого окна раздавались голоса.

– Вы уже не в том возрасте, Федор, чтобы сидеть на шее у отца. – Тон Лаймы заморозил бы и вечно кипящий гейзер.

– Я учусь в аспирантуре, – чуть заикаясь, ответил Федор.

Кати искренне ему посочувствовала. Она знала, что у Турищева есть сын от первого брака, и даже видела несчастного парня, когда Лайма и Турищев зачем-то приволокли его в издательство. Федор был на целую голову выше отца и, похоже, очень этого стеснялся – по крайней мере, заметно сутулился. Катя тогда подумала, что мачеха-имиджмейкер не слишком заботится о внешнем виде пасынка. Пиджак будто с чужого плеча, нелепые очки, скрывающие растерянные близорукие глаза. Захотелось взять ребенка домой, похвалить, пригреть, приодеть. А то жмет к стенке, словно бедный родственник. Впрочем, почему «словно»? Действительно бедный родственник лощеной самоуверенной четы. Мать недавно умерла, а отец не слишком обременяет себя мыслями о сыне.

– Можно учиться и одновременно работать. История – не та наука, которая требует большого труда.

– Вы ошибаетесь, – робко возразил Федор. – Занятия историей требуют времени. Библиотеки, архивы...

– Я не возражаю против того, чтобы Артем вас содержал. Разумеется, пока сумма не выходит за приемлемые рамки. Более того... – Лайма сделала паузу, – я даже готова увеличить ваше содержание.

– Спасибо, – изумленно поблагодарил Федор.

– Но вы должны вернуться к себе. Жить всем вместе, одной семьей – отвратительно. Надеюсь, вам неприятно не меньше, чем мне. Неужели в двадцать пять лет вам требуется опека отца? Вспомните историю с этой вашей девицей... как ее?

– Маргарита, – глухо произнес Федор.

– Вот именно. Скажите Артему, что вам неудобно оставаться с нами, и попросите разрешения уехать. А я обещаю, что постараюсь раздобыть для вас денег.

– Вы – его злой гений, – заговорил Федор с неожиданной страстностью. По Катиному мнению даже – с довольно смешной патетичностью. – И раз папа дал мне возможность жить здесь, я буду жить, пусть мне и тяжело. Я буду жить и бороться с вашим влиянием. Я ведь понимаю, почему вы меня гоните. Вы боитесь, да, да, боитесь!

– Я боюсь одного, – равнодушно заметила Лайма, – что ваше влияние помешает Артему работать с нужной плодотворностью.

– Что за шум, а драки нет? – Незнакомый бодрый голос раздался так близко, что Катя вздрогнула. – Я стучу – никто не открывает. А нашего гения в его уединении тревожить не решаюсь. Еще лишимся по моей вине очередного шедевра.

– Заходи, Костя, – смягчившимся тоном предложила Лайма. – Артему, кстати, пора вернуться, он скоро будет. Вы договорились встретиться?

– Да нет. Проезжал мимо, дай, думаю, поглазею лишний раз на красивую женщину. Объясни, Лайма, такой парадокс – нашему Теме и слава, и первая красавица, а он все недоволен, а мне – фиг с маслом, зато настроение хорошее?

– Не прибедайся, Костя. Тебе живется неплохо. Чаю хочешь? Или подождем Артема?

«Ох, – подумала Катя, – я ведь собиралась не подслушивать, а сообщить о смерти Турищева его семье. Теперь уже как-то неудобно. Да и милиция, наверное, на подходе. Вот бы они арестовали не меня, а Лайму! В смысле, вот бы она оказалась убийцей. Но вряд ли – ей это невыгодно. А кто такой Костя?»

Неподалеку загудела машина, и Катя поспешно вернулась к беседке. Что-то показалось странным ее наметанному профессиональному глазу, однако было не до раздумий. Со стороны калитки раздавался громкий стук.

На пороге дома появилась Лайма, и Катя с легким раскаянием подумала, что все же следовало ее предупредить. Идет и не подозревает ни о чем.

– Полиция? – уточнила Лайма со своим неуловимо высокомерным акцентом. – Нам не требуется.

– Все-таки откройте, – настойчиво произнес знакомый Кате голос. – Где тут у вас беседка?

Глава 5

У Кати заколотилось сердце. Тебе хотелось авантюры? Получай, милая. Объясняй теперь серьезным людям, как ты здесь очутилась. Некто Осведомленный позвал меня к полосатой будочке, и я, прождав четверть часа, решила развлечься, тайком проникнув в сад своего врага. Но, честное пионерское, я не рассчитывала найти там труп! А что рассчитывали? Вы, девушка, вероятно, из дурдома сбежали? Нет? Тогда придумайте сказку поправдоподобнее.

Из дому вышли Федор, с видом человека, не сумевшего извлечь из недавней ссоры с мачехой большого удовольствия, и Костя (кто, если не он?), напротив, поражающий жизнерадостностью. Невысокий, немолодой, толстеющий, лысеющий, с маленькими сверкающими глазами и подозрительно румяными щеками и носом.

Лайма неохотно отперла калитку. Гостей из милиции оказалось пятеро – исключительно мужчины. В выражении их лиц было что-то такое, отчего Катя взбодрилась. Она вдруг вспомнила, что мало кто из представителей сильного пола верит в разумность женщины. Возможно, Катино поведение они сочтут вполне естественным? Надо лишь акцентировать перед ними свой природный идиотизм (против факта не попрешь, она вела себя как идиотка) – и есть надежда переночевать в собственной постели. По большому счету, она была согласна и на чужую, лишь бы не казенную. Хотя особо симпатичных среди служителей закона, к сожалению, не наблюдалось.

– Это я вам звонила, – доложила Катя, с простодушной почтительностью глядя в глаза тому, кого за вальжность произвела в начальники. – Я правильно поступила?

– Абсолютно, – согласился выбранный ею индивид. Катя решила, что ему слегка за сорок, хотя выглядел он на все пятьдесят. Разве раньше милиционер позволил бы себе подобную расхлябанность? Сутулится, живот вываливается из-под ремня. Тем лучше. Подобный тип вряд ли избалован вниманием дам. И Катя жалобно произнесла:

– Я ужасно перепугалась, но вы велели не уходить, поэтому я ждала.

– Прекрасно, девушка. Катя, да?

– Вы даже имя запомнили... – восхитилась Катя.

– Конечно. А я – Михаил Михайлович из отдела по раскрытию умышленных убийств. Обойдемся без званий, правильно?

Катя кивнула. Тем более, что звания у нее не было.

– А, вот он, труп! – обрадовался Михаил Михайлович. – Действительно тот самый Арт Тур?

Федор шагнул вперед, нагнулся к отцу, резко повернулся и бросился к ближайшим кустам, где его стошнило. Кате стало стыдно. Все-таки следовало предупредить семью! По крайней мере, удар не был бы столь неожиданным. Даже ее саму подташнивало, что уж говорить о близких убитого...

Похоже, проняло и Лайму.

– Он мертв? – изменившимся голосом уточнила она.

– Да, – ответил один из гостей (очевидно, милицкий врач).

– А две главы еще не дописаны! – в отчаянье вырвалось у Лаймы. – Черт, я говорила ему не запаздывать...

Она прикусила язык, да было уже поздно. Все уставились на безутешную вдову.

– У несчастного Артема, – своим обычным тоном произнесла она, – главным в жизни было искусство. То, что его лучшая книга осталась незавершенной, для него хуже смерти.

«Для тебя-то точно, – подумала Катя. – Все распланировано по дням – и такой облом. Конечно, можно нанять литературных негров, но Турищев только что сообщил в интервью,

что еще не написал главного – развязки. Поэтому будет очевидно, что книгу заканчивал не он, и читатели наверняка этот конец раскритикуют».

– Вы здесь что-нибудь трогали? – обратился к Кате мужчина лет тридцати.

– Нет. Не знаю. Не помню.

– Так нет или да?

Катя действительно была не в силах припомнить и потому растерянно захлопала глазами в сторону Михаила Михайловича. Он в этом отношении казался более перспективным, чем молодой.

– Денис, не дави на девушку, она и без того в шоке. Катенька, я собираюсь лично курировать это дело, а вести его будет Денис Борисович Полухин. Если что, вы всегда можете обратиться ко мне.

– Правда? Спасибо вам, спасибо!

– Успокойтесь, Катенька, и припомните. Ох, какие холодные у вас ручки! Вот вы пришли сюда, и...

– Я вспомнила, – сказала Катя. – Благодаря вам я вспомнила. Я пришла и увидела, что Артем Андреевич лежит на скамейке. Я потрогала его... холодный, и на затылке рана. Потом я обошла беседку, нашла камень со следами крови. Я взяла его... Ой! – Катя и впрямь поняла, что сделала глупость, однако изобразила куда больше, чем чувствовала на самом деле. – Какая же я дуручка! Нельзя было брать его в руки, я стерла отпечатки пальцев, да? Простите меня, пожалуйста.

– Не забивайте свою головку чтением женских детективов, – посоветовал Михаил Михайлович. – Какие отпечатки на бугристом камне?

– А галстук на скамейке сложили вы? – с неодобрением вмешался Денис Борисович. Было видно, что хлопать на него глазами – напрасная трата времени. А ведь с ним тоже не мешало бы поладить. Начальник начальником, но непосредственный исполнитель не менее важен.

– Я сразу обратила внимание на сложенный галстук, – отрапортовала Катя. – Он так и лежал.

Снова мелькнула мысль, что какая-то мелочь в беседке изменилась, однако до конца додумать не удалось – помешала Лайма.

– А зачем вы вообще сюда пришли? – медленно и четко произнесла она. – После вчерашнего Артем не хотел вас больше видеть. Надеялись его разжалобить? Кто открыл вам калитку?

– Действительно, кто? – поддакнул Денис Борисович. – И что случилось вчера?

Вот и настал судьбоносный момент, а Катя даже не придумала, как бы половчее соврать. Или лучше сказать правду? Михаилу Михайловичу, разумеется. Если очень постараться, он поверит. Но демонстративно отстранять скептически настроенного Дениса Борисовича означает нажать опасного врага.

– Можно, я отвечу... ну, не здесь. Мне неловко при всех. Я теперь вижу, что вела себя как последняя дуручка, понимаете?

Снисходительная улыбка Михаила Михайловича подтверждала – он понимает.

– Вчера эта особа была уволена Артемом за профнепригодность, – холодно проинформировала Лайма. – Он намеревался известить о ее непрофессионализме все издательства города. Она должна была остаться без работы. Как ей, однако, повезло, что он погиб! Удивительное совпадение...

Катя не знала, чем ответить на удар, но ее опередили.

– Не сваливайте свою вину на другого человека, – заикаясь от волнения, выпалил Федор. – Это вы убили папу, я знаю!

– Интересно, зачем? – с презрением осведомилась Лайма.

– Вот именно! – горячо продолжил Федор. – Вы даже не сказали: я любила его и не могла убить. «Зачем?» – вот единственный вопрос. Ах, он не дописал еще две главы, и это скажется

на том, сколько я получу денег за книгу! Ничто другое вас не интересует. Вы не любили его, только извлекали выгоду.

– Мои чувства – мое личное дело, я не намерена обсуждать их при посторонних. Я только утверждаю, что мне незачем было убивать бедного Артема. У нас превосходные отношения. Скорее уж вы, Федор...

– Я? Папа взял меня жить к себе, он беседовал со мной, делился планами. Вы боялись, что станете ему ненужной, и убили его, пока этого не случилось.

– Впервые слышу, чтобы молодая жена не выдержала конкуренции с великовозрастным сыном. А вы ненавидели отца. Он талантливее вас и психологически сильнее. Он подавлял вас как личность. Он разлучил вас с этой девицей... опять забыла имя...

Катя с интересом слушала семейную перепалку. Да уж, не очень-то ладят мачеха с пасынком! Хорошо, пускай отвлекут внимание. Быть единственной подозреваемой – слишком большая честь, спасибо, не надо.

– Но я не верю, что вы его убили, – продолжала Лайма, похоже, не в силах остановиться. – Вы слабый человек. И вы не получите ничего из совместно нажитого нами имущества.

– И не надо!

Милиция, подобно Кате, впитывала каждое слово, и Лайма спохватилась.

– Извините, – слабым голосом прошелестела она. – У меня шок. Я должна прилечь.

При этом держалась на ногах более чем твердо. Уж всяко тверже Федора, которого шатало от собственной смелости.

Молчавший дотоле Костя услужливо заявил:

– Давай я отведу тебя в дом, Лайма, – и нежно взял красавицу под локоток.

– Кто вы? – уточнил Михаил Михайлович.

– Старый друг Артема, – объяснил Костя. – Константин Григорьевич Шагуч, писатель. Забежал на огонек – и вот. Где стол был яств, там гроб стоит. Печальная история.

Он действительно выглядел опечаленным – насколько это представлялось для него возможным.

Михаил Михайлович, поразмыслив, предложил:

– Я сейчас возьму показания у вдовы и сына, а ты, Денис, расспроси Катюшу. Но будь поделикатней, она и так старается изо всех сил.

Катя поняла – он сделал выбор. Лайма и Федор кажутся ему перспективными подозреваемыми, а сама она нет. Впрочем, она и не претендует.

– Пойдемте в машину, что ли, – вздохнул Денис Борисович. – Здесь мы будем мешать.

Действительно, вокруг беседки суетился фотограф.

– Так что у вас за конфликт с Турищевым? – Денис Борисович, к сожалению, ничего не забыл.

Что ж, в редакции ему так или иначе все расскажут. Уж лучше самой.

– Я занималась оформлением его книг. Уже три года. Скоро должна была выйти седьмая книга серии, я подготовила обложку. А вчера Турищев был в издательстве и сказал, что я должна была полностью переменить дизайн и он предупреждал меня об этом месяц назад. Но это не так. Он меня не предупреждал.

Собеседник хмыкнул, и Катя поспешно добавила:

– В конце концов, смена дизайна – не личное дело автора и художника, и Турищев прекрасно об этом знает. Без одобрения начальства подобное невозможно. Думай он действительно о новой концепции обложки, сперва обратился бы, например, к коммерческому директору, а уж потом ко мне. Кто я такая? Исполнитель. Делаю, что поручат. Коммерческий директор, кстати, против смены дизайна. Серия и без того успешно раскупается.

– Хорошо, допустим. Турищев обвинил вас в том, что вы не выполнили его требования. Что дальше?

– Страшно распахивался, потащил меня к коммерческому директору и потребовал моего увольнения. Лайма сказала правильно – он пригрозил сообщить о моей некомпетентности во все издательства. Конечно, мне было неприятно, но трагедией я бы это не назвала. Спросите на работе – я в пятницу сама пыталась уволиться. Меня уговорили остаться, но все равно. Честное слово, не такая радость моя работа, чтобы из-за нее убивать человека.

– Разве вас обвиняют в убийстве? – ехидно осведомился Полухин.

– Стоит ли дожидаться? – с невольным смешком вырвалось у Кати. – Еще успеете.

Денис Борисович тоже усмехнулся.

– Посмотрим. Итак, что же вас сюда привело, Екатерина Александровна?

– Собственный идиотизм, – честно призналась Катя. И даже не стала строить глазки, благо, рядом нет Михаила Михайловича. – Месяца три назад я обнаружила в Интернете один сайт. Там критиковали книги Арт Тура. А я, естественно, интересуюсь отзывами о нем, вот и стала туда заглядывать.

– Адрес сайта?

– Ну, наизусть я не помню, а из дома могу сообщить.

– Дальше.

– Там есть форум и чат. Я люблю поболтать в чате. А вчера особенно. Вы же понимаете, я не могла жаловаться на Турищева коллегам, им с ним работать дальше. А на этом сайте все его терпеть не могут.

– Почему? – заинтересовавшись, прервал Полухин.

– Ну, не знаю, – удивилась Катя. – Раз миллионам читателей он нравится, тем более имеют право на существование те, кто относится к нему критически.

– Если мне не понравилась книга, я просто не стану больше читать этого автора, – пожал плечами собеседник. – Однако создавать ради этого сайт или даже просто посещать его... зачем?

– Пожалуй. А мне и в голову не пришло...

Денис Борисович самодовольно улыбнулся. Катя тоже, но в душе. Пускай почувствует свое превосходство (кстати, вполне оправданное, поскольку рассуждает он здраво).

– Ладно, отложим. Вы вышли вчера в чат.

– Да, и встретила там новое лицо. То есть новый ник.

– Какой?

– Осведомленный.

– О чем? – не удержался от иронии милиционер.

– Вот и я так спросила, – обрадовалась его оплошности Катя. – Он ответил, что знает о Турищеве такое, что все ахнут. В смысле, плохое. Я спросила, что, а он ответил, что это надо видеть. Приехать завтра... то есть сегодня... к Турищеву на дачу к семи вечера...

– Осведомленный называл его «Турищев» или «Арт Тур»?

Катя закрыла глаза, восстанавливая картинку на экране.

– Арт... да, Арт Тур. А что?

– Вы знали, где у Турищева дача? – проигнорировал вопрос собеседник.

– Примерно. Никогда тут не была, но читала статью. Осведомленный велел ехать на электричке до Репино и идти по путям до полосатой будочки, где он в семь будет меня ждать. Вот я и приехала.

– Только не говорите, что ни разу не слышали о сексуальных маньяках, – холодно заметил Полухин.

Естественная реакция нормального человека. Сама виновата – нечего быть такой дурой, что даже мужчина удивляется.

– Я решила, на маньяка непохоже. По крайней мере, на сексуального. У моей бабушки была присказка – любопытство кошку сгубило. К тому же я была на Турищева страшно зла...

Катя осеклась – не самое уместное сообщение для подозреваемой в убийстве, однако милиционер придирается не стал. Зато спросил:

– А вы известили на сайте, что Турищев вас вчера уволил?

– Нет. Я вообще не говорила на сайте о том, где работаю. И подписывалась одними инициалами – К. Д. От греха подальше. А то начальство меня бы не одобрило. Мы на Турищеве делаем деньги, а я втихаря над ним потешаюсь. Нет, я общалась в чате инкогнито. И остальные тоже.

– Много вас там?

– Постоянных – человек десять... даже меньше.

– Вы знакомы с кем-нибудь в реале?

«Он и сам любитель чатов», – сообразила Катя.

– Нет, ни с кем. Мне хватало виртуала. Просто спустить пар после работы, понимаете?

– Ладно, пусть так, – вздохнул Денис Борисович. – Значит, вы примчались к полосатой будочке, а там... – Он сделал паузу.

– А там никого. Я ждала-ждала...

– Сколько?

– Минут пятнадцать. Мимо проезжали машины. Может, кто меня и запомнил. Один даже предложил подвезти, хоть я и не голосовала. Вот он точно похож на маньяка. А потом до меня дошло... я не обещала Осведомленному, что приду. Я решила, поэтому его и нет. Но раз уж я притащилась, глупо уезжать ни с чем. Я пошла искать дачу Турищева – и нашла на свою голову. А там в беседке труп. Вот и все.

– Как вы проникли в сад?

– Через дырку в заборе, – объяснила Катя. – Я знаю, это плохо меня характеризует. Я хотела подглядеть, чем таким отвратительным занимается Турищев. Мне при моих обстоятельствах это доставило бы массу удовольствия.

– Странно, что вы не сбежали при виде трупа, – хмыкнул милиционер. – Вам ведь наверняка не доставило удовольствия с нами разбираться.

– У меня мелькала подобная мысль, но я побоялась, что меня кто-то заметил у дачи и потом мне же будет хуже.

– По крайней мере, откровенно, – язвительно прокомментировал Денис Борисович.

– Так видно же, что вас не обманешь, – с неприкрытой обидой произнесла Катя. Собеседник слегка надул щеки – ага, подействовало. Если мужчина недоволен грубой лестью – значит, требует лести потоньше. – И еще... – голос Кати слегка задрожал, – наверное, про остальное тоже лучше сказать?

– Говорите, – с видом человека, поверившего, будто его и впрямь не обманешь, подбодрил милиционер.

– Михаил Михайлович велел ждать рядом с трупом, но мне стало страшно, и я пошла к даче. – Катя предпочла несколько изменить мотив своего поступка – любой откровенности есть предел. – Я услышала, как Лайма ссорится с Федором. Если вам интересно...

Собеседнику было интересно, и Катя по мере сил повторила ему диалог.

– Все? – уточнил милиционер. – Предупреждаю, вы не должны пока покидать пределы города. А завтра обязаны явиться для формальной дачи показаний.

– Неповиновение – расстрел, – улыбнулась Катя. – Хорошо, явлюсь.

Ответной улыбки не последовало, но Катя все равно осталась собой довольна. Похоже, она держалась правильно, сумев произвести впечатление импульсивной особы, у которой что на уме, то и на языке. Она чувствовала, что не слишком понравилась Денису Борисовичу (какой там к черту Борисович, парню от силы тридцать, просто Денису), однако в то, что она убийца, он не верит. Если б эта дамочка и пристукнула в гнев Турищева, у нее не хватило бы самообладания остаться на месте и вызвать милицию, а вызвав, достало б ума не ляпать себе во вред

что попало – данный вердикт отчетливо читался на хмуром лице блюстителя закона. Иногда самое разумное – притворяться такой, какая ты есть.

Глава 6

Домой Катя вернулась почти к полуночи, и удовлетворение к той поре несколько угасло. Всю дорогу она пыталась осознать случившееся, но чувства отказывались принять то, на что намекали мозги. Турищева убили – и, как нарочно, именно тогда, когда Осведомленный заманил Катю на эту идиотскую дачу. Совпадение? А нелепое увольнение накануне – тоже совпадение? Нет, больше похоже на желание подставить. Вчера кто-то создал Кате мотив для преступления, а сегодня – демонстративную возможность его совершить. Прямо-таки подарок для следователей, уже упакованный и завязанный красивой ленточкой. Особенно если представить, что она впала бы в панику и сбежала. Кто-нибудь из соседей вспомнил бы об особе, бродящей по поселку, и опознал Катю (ведь милиция сразу включила б ее в список подозреваемых как человека, у которого на Турищева свеженький зуб). И вот ты на нарах. Почему-то нары особенно Катю нервировали. Возможно, причина была в трепетном отношении ко сну. Видение голой полки, по которой ползают насекомые разнообразной величины и кусачести, радикально портило настроение. Какой надо быть сволочью, чтобы прикончить Турищева, а в тюрьму вместо себя засадить ни в чем не повинную девушку, никогда не видевшую вшей и мечтавшую так и умереть в этом счастливом состоянии!

Или Кате просто не повезло? Она не рассчитывала на всеобщую любовь, однако быть специально выбранной знакомым тебе человеком в качестве козла отпущения – это слишком. Очень уж не хотелось жить с сознанием, что кто-то ее подставил. Поэтому Катя срочно принялась искать доводы против. Виновник вчерашнего увольнения известен – Турищев. Не готовил же он мотив для собственного убийства? Чушь! Итак, все-таки случайное совпадение. Разве что преступница – Лайма. Она решила свалить вину на Катю, настроила против нее мужа, тот набросился и выгнал с работы, не догадываясь, что подписывает свой смертный приговор. Никто, кроме жены, повлиять на Турищева не сумел бы.

Сперва идея Кате понравилась. Пусть будет Лайма. Обижаться на нее так же бессмысленно, как на красный свет светофора. Он горит не от плохого отношения к тебе лично, а по каким-то своим чисто механическим причинам. Опять же, не то чтобы Кате хотелось упечь вдову Турищева за решетку, но раз кого-то все равно посадят, Лайма в списке приемлемых вариантов шла первой. А последней – с огромным отрывом – сама Катя.

Но тут же возникли сомнения (разумеется, не в отсутствии охоты попасть в казенный дом, а в возможности найти себе подходящую замену). Когда Катю увольняли, непохоже было, что Лайма рада, скорее наоборот. Разумеется, не из сочувствия, а из опасения не подготовить вовремя новую книгу и получить меньше прибыли. И сегодняшняя реакция – «он еще не дописал две главы!» Лайма все измеряет деньгами. Зачем ей избавляться от курицы, несущей золотые яйца (точнее, от петуха)? Удивительный петух, правда, не только нес яйца, но и покрывал едва оперившихся цыплят, однако Катя сомневалась, чтобы это сильно беспокоило его жену. Юная Эстрелла верила в серьезность намерений любовника, но остальным было ясно: Турищев развлекается. Вряд ли Лайма стала б ревновать, для этого требуется любить.

О чем Лайма действительно беспокоилась, так о сближении мужа с Федором. Катя сама слышала, эта особа готова была приплатить, лишь бы парень вернулся жить к себе. Но на причину преступления подобное не тянет. Лайма права – молодая жена легко выдержит конкуренцию с великовозрастным сыном. Эти простые мысли наверняка уже пришли в голову Михайлу Михайловичу, и его подозрения в адрес вдовы развеялись, как дым. Федор тоже не годится. Ни мотива, ни характера. Лайма права – парень хоть и симпатичный, да слабый, это видно. Поссорился с отцом, в состоянии аффекта схватил булыжник и шарахнул? А потом, как ни в чем не бывало, качал права с мачехой? Вряд ли. Он нервный, вон как переживал, увидев тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.